

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной деятельности
Федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Казанский (Приволжский)
федеральный университет»,
доктор геолого-минералогических наук,
профессор _____ Д.К. Нурғалиев
«25» _____ 2019 г.

**ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»
о диссертации Амановой Гулистан Абдиразаковны
«Художественная специфика традиционной литературы Кореи
и опыт модернизации ее поэзии. Теоретические аспекты»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология**

Докторская диссертация Амановой Гулистан Абдиразаковны является существенным вкладом в отечественное корееведение, ибо обобщающих теоретико-литературных трудов в этой сфере, которые учитывали бы достижения литературоведческой компаративистики на современном этапе ее развития, чрезвычайно мало. В этом плане совершенно справедливым представляется тезис автора, согласно которому «накопленный за полвека (с середины XX столетия. – Р.Б.) советским и российским корееведением научный материал в области традиционной и современной корейской литературы позволяет продолжить исследования в русле исторической поэтики» (с. 4). Кроме того, нельзя не учитывать того важного обстоятельства, что взаимоотношения России и Дальнего Востока, в том числе Кореи, получают сегодня в силу определенных причин особо значимый статус, а это значит, что отечественное литературоведение должно откликнуться на него созданием новой теоре-

тической парадигмы, которая опиралась бы на богатый эмпирический материал. Диссертация, таким образом, посвящена проблеме понимания художественно-эстетического своеобразия корейской литературы не только в ее классическом, традиционном выражении (известно, что корейская культура, как и японская, длительное время испытывала влияние китайской), но и в свете происходивших в ней модернизационных процессов в русле диалога восточной и западной культур.

Актуальность исследования. Отечественное литературное корееведение за более чем полувековую историю своего существования прошло довольно большой путь становления и развития. Вместе с тем в аспектах литературной теории существует целый комплекс проблем, от решения которых зависит возможность построения новой модели исследования национальной литературы (и, кстати говоря, не только корейской). Об этом автор пишет весьма обстоятельно. Это и крайне интересный вопрос о соотношении корейско-китайской и русско-европейской литературоведческой терминологии (его можно квалифицировать шире: общее и частное в западной и восточной поэтиках); и вопрос, связанный с особенностями функционирования корейской классики на фоне «близких» и «дальних» контекстов, если использовать терминологию позднего М.М. Бахтина, подразумевая, что речь в данном случае идет о «близких» и «далеких» литературах; и вопрос о переводах корейской литературы на русский язык в связи с использованием либо подстрочника, либо оригинала; вопрос об адекватности отражения стихотворных форм корейской поэзии в русских переводах, и много другое.

Цель исследования состояла в том, чтобы на материале корейской словесности рассмотреть принципы эволюции литературной традиции, механизмы ее трансформации. Именно этой цели соответствовали **задачи исследования**, среди которых можно выделить несколько наиболее существенных: сравнение и сопоставление понятийно-терминологического аппарата дальневосточной и русско-европейской наук о литературе; выявление глубинных мировоззренческих и художественно-эстетических основ корейской литера-

туры на фоне близких и далеких литератур; изучение форм трансформации корейского литературного канона во времени; переводческие аспекты освоения корейской классической поэзии в русском культурно-историческом пространстве. Все это должно привести к возможности построения общей теоретико-литературной парадигмы в освещении проблем дальневосточных литератур.

Научная новизна исследования. Она несомненна и заключается в том, что впервые в российской и зарубежной ориенталистике предпринята последовательная попытка создать общую теоретическую модель исследования корейской литературы в широких сопоставительных связях и отношениях. Кроме того, в научно-литературоведческий обиход автором вводится значительный корпус источников на корейском литературном языке, дабы доказательная база исследования носила четкий, всесторонне выверенный и устроенный характер.

Теоретическая ценность и практическая значимость исследования также не вызывает сомнений. В работе собран, систематизирован и осмыслен огромный фактографический материал, включающий как корейские антологии, различного рода сборники, периодику, художественные переводы с корейского, так и опорные теоретико- и историко-литературные труды, а также литературно-критические статьи. Предложена оригинальная трактовка литературных текстов. И материал, и основополагающие выводы проведенного исследования могут быть полезны при изучении корейской литературы не только конца XIX – середины XX века, но и других исторических периодов. Помимо этого, исследование Амановой Гулистан Абдиразаковны может стать ключевым и при изучении литератур других народов Дальнего Востока. Аккуратно собранный материал диссертационной работы обязательно будет востребован в учебно-педагогических целях, в процессе чтения лекций и проведения практических занятий по истории корейской литературы в вузах России и мира, при подготовке учебно-методических программ, написании соответствующих разделов общей истории корейской литературы. Этот ма-

териал окажется существенным подспорьем и при освещении проблем сравнительно-сопоставительного литературоведения в российских и зарубежных вузах, при обсуждении в научных кругах и учебных аудиториях «злободневных» вопросов теоретико-литературного знания.

Методологическая база исследования. Диссертация выполнена с опорой на труды авторитетных советских и постсоветских литературоведов (историков и теоретиков литературы), философов, историков, политологов. Среди исследователей, чьи научное творчество стало определяющим для диссертантки, С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, М.Л. Гаспаров, А.Я. Гуревич, В.М. Жирмунский, Е.М. Мелетинский, Б.А. Успенский и другие. Естественно, учитывались труды видных филологов-востоковедов: В.М. Алексеева, Н.И. Конрада, Т.П. Григорьевой, Л.З. Эйдлина, И.А. Бороной, А.А. Долина, А.И. Мамонова, Н.С. Шефтелевич, Л.Е. Черкасского, В.Т. Сухорукова и других.

Структура диссертационного исследования соответствует научно-исследовательской логике, поставленным во «Введении» и кратко охарактеризованным цели и задачам работы. Диссертация состоит из введения, двух больших, содержательно насыщенных частей, включающих десять глав с параграфами внутри них, заключения и обширного библиографического списка к каждой части.

Во «Введении» обосновывается актуальность научно-исследовательской темы, формулируется основная цель и задачи труда, определяется его объект и предмет, дается тщательно-скрупулезный обзор научно-критической литературы с элементами авторского отношения-позиции к ней, что вполне нормально, характеризуется теоретико-методологическая база, научная новизна и практическая значимость исследования, выносятся на рассмотрение основные положения диссертации, указывается степень апробации результатов проведенной работы.

В **первой части** «Теоретические проблемы корейской литературы в межнациональном контексте» пять глав (1. «Научный язык литературного корее-

ведения: проблемы соотношения восточной и русско-европейской литературоведческой терминологии»; 2. «Основные черты своеобразия корейской словесности на фоне близких и далеких литератур»; 3. «Наиболее “престижные” метод и жанр в национальном варианте»; 4. «Проблемы текстологии и авторства русских переводов из корейской литературы»; 5. «Стих русских переводов из корейской классической поэзии»).

В ней, в числе прочего, дается совершенно верное представление о том, что чрезвычайно затруднительно применять к корейскому литературному материалу (как, впрочем, и вообще к дальневосточному) категории и понятия западного (в том числе русского) литературоведческого дискурса. Эта объективная сложность проявляется, к примеру, в попытках дать более или менее однозначное определение жанрово-стилевым формам корейской литературы с точки зрения западного филологического метаязыка: любое из определений будет не совсем точным, ибо, как известно, многие поэтологические категории возникают на основе конкретных национальных литератур и описывают их природу. Диссертантка на большом материале показывает, что практиковавшиеся на первых порах освоения корейской поэзии русско-европейские понятия находились в определенном осязаемом конфликте с той исходно-национальной формой их понимания, которая задавалась ориентирами самого корейского искусства слова, его традициями. Более того, соотношение корейской и русско-европейской жанровой терминологии, по мнению Амановой Гулистан Абдиразаковны, до сих является предметом дискуссий. Именно по этой причине автор диссертации призывает теоретиков литературы к некоторой осторожности хотя бы потому, что сами корейские литературоведы не всегда единодушны в трактовке какого-либо термина. «Лучше обходиться совсем без терминов, чем выносить в заглавие большой работы иноязычный, не имеющий к Корее никакого отношения», – лаконично заключает свою мысль диссертантка (с. 66). В большей мере это касается новой терминологии, которая, как доказывает Аманова Гулистан Абдиразаковна, «прививалась в Корее с трудом» (с. 73). С этим же связана проблема периодизации ко-

рейской литературы: слова «новая» и «современная» в Корее не совсем идентичны, как полагают европейские исследователи, опираясь (порой подсознательно) на близкую и хорошо знакомую им систему цивилизационно-национальных ценностей. Так, можно с основанием полагать, что понятие анонимности в корейской литературе не ограничивалось лишь средневековым периодом: анонимность как факт традиционного мышления воплощалась в корейской прозе вплоть до начала XX столетия, до эпохи модернизационных сдвигов и процессов вестернизации. Если взять за точку отчета европейскую поэтику, то на ее фоне многое в корейской литературе может показаться странным, «нелогичным», как отмечает диссертантка (с. 135). Однако этот «нелогизм», как можно понять, всего лишь следствие европоцентристских представлений, которые требуют преодоления, поскольку в противном случае станет затруднительным диалог культур, их традиций как самобытных «голосов».

Заметный понятийно-терминологический разнобой существует и в стиховедческой науке. Действительно, приходится согласиться с диссертанткой в ее утверждении того, что сама природа корейской ритмико-метрической системы остается не до конца проясненной, а это так или иначе влияет на принципы художественного перевода с корейского.

В этом же русле лежит закономерное желание пересмотреть правомерность использования термина «направление» для описания корейской литературы (да и восточной в целом). Известно, что в советском литературоведении господствовал взгляд, согласно которому литературный процесс, независимо от его национальной, культурной и цивилизационной принадлежности, носил поступательный характер, от низшего к высшему, соответствовавший марксистской схеме общественно-исторических формаций. Восток здесь занимает особенное место, в котором язык формационной теории оказывается несколько не адекватным (между прочим, отчасти это понимал и сам К. Маркс, вводя в описание традиционных восточных сообществ термин «азиатский способ производства»). Разноплановость подходов к содержанию

слова «направление» диссертантка демонстрирует на примере термина «реализм». В корейском литературоведении он, как выясняется, приобрел собственную семантическую окраску. Диссертантка с величайшей кропотливостью прослеживает в работе всю палитру его значений, попутно касаясь истории нового корейского литературоведения, перипетий жизни его создателей. Если российское литературоведение преодолело в этом вопросе ряд советских догм, то, как объясняет автор диссертации, в современном корейском все еще сохраняется «консерватизм» как отсутствие каких-либо новых, альтернативных по своей природе, концепций.

Особый интерес в первой части представляют две последние главы, в которых обсуждаются вопросы диалога корейской и русской культур, освоение русской культурой классического фонда корейской поэзии в плане переводческого мастерства. Тут много любопытнейших наблюдений, обзоров, исследовательских размышлений. В частности, демонстрируется стратегия перевода, которой придерживались те или иные русские поэты, как знавшие язык, умевшие активно пользоваться оригинальными текстами на корейском литературном языке, так и не владевшие им, использовавшие в своей работе специально подготовленные подстрочники; затрагиваются при этом и моменты историко-биографического порядка. Так, диссертантка проводит мысль о том, что переводы А.А. Ахматовой из корейской классической поэзии остаются образцовыми, несмотря на то, что переводчица пользовалась подстрочниками: велика была сила ахматовской интуиции, умения создавать ощущение того, что перед нами экзотический стих, притом что это ощущение создавалось средствами и приемами традиционного русского стиха без рифмы (с. 337). Другие переводчики (как, например, А.Л. Жовтис) оперировали не тонкой интуицией, а четкими стиховедческими знаниями. Показательно, что не все у них получалось хорошо, но удач было много. В этом нет удивительного: путь перевода – всегда путь обретений и потерь; идеального перевода, по-видимому, нет, всякий перевод так или иначе историчен. Следует добавить в связи этим, что еще Л.З. Эйдлин в одной из своих статей писал, анали-

зируя русские переводы дальневосточной поэзии: «... критик дальневосточной поэзии должен быть особенно чувствителен к достоинствам перевода <...> и в то же время уметь проявить сочувствие к неудачам переводчика в его единоборстве с иной раз очень сложным текстом» («Поэзия Ай Цина и ее перевод»).

Во второй части «Литературный процесс в Корее конца XIX – первой половины XX века и опыт модернизации ее поэзии» также пять глав (1. «Просветительская поэзия и движение за новую литературу *синмунхак ундон*»; 2. «Роль литературных журналов и поэтических объединений в становлении модернизированной национальной поэзии»; 3. «Движение за возрождение традиционных корейских жанров и “новая поэзия”»; 4. «Направления в национальной поэзии 30-х годов»; 5. «Движение к истокам: переосмысление традиции в корейской поэзии»).

В этой части автор диссертации сосредоточил свое внимание на проблеме эволюции корейской поэзии в эпоху перехода от средних веков к новому времени. Здесь аккуратно, на конкретных стихотворных примерах и именах, прослеживаются формы трансформации сложившегося художественного канона. Эта часть диссертации отчасти носит характер исторического описания; в ее основе – не теоретическая, а историческая поэтика. Среди прочих наблюдений автор фиксирует феномен синтетизма, смысл которого заключается в соединении национальных образов поэтического искусства с западными темами и приемами. Так, отмечается, что в связи с активной деятельностью западных миссионеров-христиан в Корее возникают достаточно интересные поэтические практики, ориентированные на новые жанры и более сложное мировоззрение; христианство «давало возможность корейцу ощутить себя личностью, обладающей правом на самостоятельное суждение и поступки, а просветительские идеи подвигли к творчеству и к проявлению активной гражданской позиции» (с. 362–363). Некоторое популярностью пользовались «просветительские гимны», имевшие музыкальное сопровождение, то есть исполнявшиеся вслух и нараспев.

Диссертантка дает довольно развернутую характеристику творчества Чхве Нам Сона («принципиально новый этап в истории национальной поэзии», с. 410), на которого большое влияние оказала философия Л.Н. Толстого; Ким Ока, писавшего подражательные стихи в духе французских символистов; Ю Чхи Хвана с его крайне пессимистической оценкой действительности; Ким Гван Гюна, разрабатывавшего тему современного города с его социальными контрастами; Ли Сана, в сюрреалистических зарисовках которого сквозит мотив бессмысленности существования, экзистенциальной заброшенности человека, и других. Кроме того, рассматривается деятельность весьма многочисленных корейских литературных школ и группировок («Голубой олень» и проч.), акцентируется аспект эстетических программ на материале отдельных стихотворных произведений. Так, объясняется в деталях, с обилием выразительных, красноречивых примеров, какие изменения претерпела тема любви в корейской поэзии. В предшествующий период, ориентируясь на китайские образцы, она изображала любовь в качестве стыдливого и целомудренного чувства (китайская лирика, это известно, провозглашала и ценила высоко прежде всего дружбу как доброе, спокойное и одухотворенное чувство; существовал даже целый культ дружбы, одним из частных моментов которого было совместное чтение стихов с чаркой вина). В пору западного влияния корейская поэзия стала более раскрепощенной: любовь превратилась в жгучую романтическую страсть, которую активно и с удовольствием воспевали. Те же изменения коснулись образной системы. Ее традиционный набор приобрел важные смысловые оттенки. Если в средние века образ луны являл собой знак печали, грусти, ностальгии, тоски по родному дому (достаточно вспомнить стихотворения китайского классика Ли Бо), то в новый исторический период образ луны, доказывает диссертантка, приобрел иные нюансы смысла: луна, ее отраженный свет стал символом духовного просветления, озарения, проекцией света праведной веры (с. 455). То же относится к временам года, цветовой палитре природных объектов, изображаемых корейскими лириками, – примеров с тонким проникновенным анализом автора

диссертации здесь очень много, и стоит сказать, что отдельные образно-мотивные разборы читаются, безо всякого преувеличения, на одном дыхании: столь велика, вероятно, суггестивная сила, которую производят стихи на корейском языке и которая ощущается исследователем, способным, несмотря на аналитические задачи, эту силу передать.

В «Заключении» подводятся итоги диссертационного исследования.

Достоверность полученных Амановой Гулистан Абдиразаковной результатов подтверждается глубокой разработанностью теоретического базиса и методологических посылов диссертации, проработкой огромного фактологического материала и историко-литературных источников, апробацией результатов исследования на международных и всероссийских научных конференциях. Прделан поистине титанический труд по сбору и систематизации разнородного материала, чтобы концепция исследования носила убедительный и устроженно-выверенный характер. Положения, выносимые на защиту, доказаны. Работа соответствует нормативам научного стиля речи, а также требованиям, предъявляемым к оформлению диссертационных сочинений.

Отмечая несомненно высокий квалификационный уровень докторской диссертации, позволим высказать замечания, не влияющие на положительный отзыв о работе, а, напротив, свидетельствующие о перспективном характере изучаемой проблемы.

1. При чтении диссертации возникало некоторое субъективное ощущение, что две большие части работы потенциально могут существовать независимо друг от друга, в автономном режиме, что, вероятно, это две отдельные темы, фигурально говоря, два «материка», которые могут пребывать в самостоятельном статусе и развитии: одна тема касается диалога литературоведческих представлений, восточного и западного, другая – синтеза поэтических практик, корейской и западноевропейской. Имеются ли какие-то мосты для их более плотного смыкания (дополнительная аргументация, концепции, суждения и взгляды)?

2. Можно ли, по мнению диссертантки, считать правомерным вопрос о том, какое из культурных влияний на корейскую литературу, «ближнее» или «дальнее», собственно восточное или западное, было наиболее продуктивным по результатам? Есть ли какие-либо сведения об этом в корейской критике и литературоведении на уровне полемики позиций (оценка процесса вестернизации и переосмысление прошлого, к примеру, как это было в среде китайских писателей начала XX века)?

3. Как зарубежное (западное) литературоведение описывало «опыт модернизации» корейской поэзии? Происходила ли адаптация тем корейской классической литературы на Западе и – самое главное – в каком направлении? Последние вопросы, конечно, выходят за пределы конкретной исследовательской темы и ориентированы, скорее, на перспективу...

Высказанные замечания ничуть не снижают уровень глубокого, важного, интересного и добросовестного исследования Амановой Гулистан Абдиразаковны.

Автореферат диссертации вполне полно и адекватно отражает концепцию исследования, его основные положения. Материал, результаты и выводы диссертационного сочинения достаточно полно отражены в 74 научных публикациях, 3 из которых – монографии (одна в соавторстве), 19 – статьи, опубликованные в рецензируемых журналах ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

По избранному объекту исследования, а также методам его системно-комплексного изучения диссертация Амановой Гулистан Абдиразаковны соответствует паспорту специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Кафедра русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» свидетельствует, что диссертация Амановой Гулистан Абдиразаковны «Художественная специфика традиционной

литературы Кореи и опыт модернизации ее поэзии. Теоретические аспекты» представляет собой самостоятельное завершенное научное исследование, отвечающее нормативам актуальности, научной новизны, теоретической ценности и практической значимости, соответствует критериям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. от 28.08.2017 года), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, доцентом, доцентом кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» Бекметовым Ринатом Фергановичем.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» 22 ноября 2019 года, протокол № 5.

Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы
Института филологии и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
доктор филологических наук, профессор
Несмелова Ольга Олеговна

